

СЕРИАЛЬНАЯ МЕРЗЛОТА

Виктор Ремизов. Вечная мерзлота.

М. Альпина нон-фикшн, 2021

В далекие 70-е я был ребенком, но и то помню, как популярен был так называемый сибирский эпический роман. Псевдоэпический, конечно. Региональная реинкарнация «Тихого Дона» и «Угрюм-реки», замешанная на массовых жанрах, с несколько преувеличенными страстями, непременными любовью и кровью. Авторы — кто-то в большей, кто-то в меньшей степени — инстинктивно нащупали нишу «советского Сидни Шелдона» и выдавали вполне качественный продукт, идеологически выверенный и при этом будто рожденный для сериального воплощения. «Вечный зов» и «Тени исчезают в полдень» А. Иванова. «Сибирь» Г. Маркова, «Судьба» П. Прокураина — да и региональные образцы, например, «Философский камень» С. Сартакова и так далее. На Алтае — «Солонаты, земля» Георгия Егорова. Народу они нравились (особенно

в отсутствие настоящей сериальной продукции), интеллигенты над ними посмеивались, указывая (справедливо) и на вторичность, и на предсказуемость, и на идеологическую предвзятость.

Потом пришли сериалы — и эти книги, которые все же были литературой, стоящей неизмеримо выше сценарных скриптов, со сцены сошли. И вот — отчасти вернулись в лице «Вечной мерзлоты» 63-летнего москвича Виктора Ремизова. За свою «Мерзлоту» в прошлом году он получил одну из «Больших книг», ряд других призов, но главное — интерес читателя. Между тем эта вещь «советской классике» проигрывает ощутимо.

Огромный роман о сталинской стройке в послевоенной Сибири (приполярная железная дорога), к сожалению, не получился именно с точки зрения эпического размаха, «широкого дыхания». Объем тут играет против автора. Яростная «антисталинская» повестка книгу вытянуть не может — все же не 80-е.

Действие течет вяло, да и постоянно замирает — берет паузу на публикацию огромной подборки документов. Цитирующиеся целыми страницами источники (прямо со сносками, все солидно) отбивают всяческую охоту читать дальше. Ну да, у героев книги есть реальные прототипы, исследовательская работа проведена автором большая — но в художественном смысле книгу это крайне утяжелило. Попытка проникнуть во внутренний мир Сталина в стиле «Детей Арбата» выглядит скорее конфузом (кстати, романский цикл «Дети Арбата» — это своего рода анти «Вечный Зов», при схожих приемах и литературных достоинствах; у Ремизова слабее).

Вот так диктатор у него читает газету: «“В Корее воевали вовсю, КНДР в союзе с Китаем вновь заняли Сеул. Где-то там рядом образовалась, — ликовала газета, — Коммунистическая партия Камбоджи! Через десять лет ее возглавит человек с именем Пол Пот...” Он отложил газету, отхлебнул остывший чай. Ему все это было уже почти неинтересно, а на планете складывались режимы, похожие на его, основанные на лжи и пропаганде, с неменяемой властью и обманутыми народами».

Ремизов попытался писать в «большом стиле», не имея «большого нарратива», который имели в виду все указанные авторы. У них это было построение социализма, или путь от темного прошлого к светлому будущему, наконец Русский (Сибирский) Путь в будущее и т. п. Здесь ничего такого нет. Даже злосчастной стройки как мегамасштабного проекта, как злого умысла Темного Владыки, как символа бессмысленности советского строя нам не показано. Есть исторически верные (даже не сомневаюсь) скучные описания. Есть публицистические высказывания автора. Есть, наконец, грустные истории страдальцев-сидельцев. Они как раз выглядят в книге наиболее живыми. Ну как живыми? На уровне сериалов, то есть имитирующими психологические глубины, содержательно плоскими. Это персонажи-маски, персонажи-функции, вступающие друг с другом в запутанные отношения, вот именно что сериальные. Мелодрама на лагерном фоне.

«Мерзлота» вообще исполнена в стиле и жанре «мещанско-го» романа (по своей природе мелодраматичного, сосредоточенного на мелких личностных проблемах). Плюс наваленные сверху пласты сырого, непроработанного исторического материала. Эпос так не получается.

Виктор Ремизов силен в жанре «естественно-политических» повестей из колоритной жизни обитателей окраин страны. За что и был в свое время удостоен литературных наград. Попытка создать роман в стиле «как у Анатолия Иванова, но с бедными зеками и злым Сталиным» ему не удалась, возможно, просто в силу несовпадения с творческим темпераментом. У Гузель Яхиной подобный опыт получился куда лучше: она удачно скрестила дамский и исторический романы. А здесь не «большой стиль», и не «большая книга», но пухлая (1000 страниц!) книжка. Впрочем — способная увлечь иных читателей, любящих по старинке окупаться в длинную прозу с головой.

ГОТ, ДАНЕ ТОТ

*Герман Садулаев. Готские письма. Выбранные места
из переписки с воображаемыми друзьями.*

СПб, Лимбус-пресс, 2021

«Готские письма» Германа Садулаева, получившие в 2021 году престижную премию «Ясная Поляна», — книга синтетического жанра. Это я говорю осторожно, потому как можно сказать и так: Бог знает что, роман не роман, сборник не сборник. Сказал бы «симфония», но, увы, до симфонии все же не дотягивает. В любом случае, хорошо, когда премии дают странным книгам. Ну и 48-летний Садулаев, что и говорить, автор опытный, известный, и «Письма» его не худшая вещь. Хорошо также, что это темпераментное постмодернистское сочинение взяло верх над вялыми или тяготеющими к жанру расхожего научпопа конкурентами из шорт-листа «Поляны».

Книга устроена так. Основу ее составляют публицистические рассуждения автора о судьбах и исторических последствиях существования народа готов. Того самого, древнего, вроде бы исчезнувшего, но давшего богатое наследство в виде прочих народов, а также вдруг проявляющегося прямыми потомками то там, то сям. Написано это в форме писем к неведомому другу. Конечно, удивляет какая-то вопиющая неактуальность темы — вплоть до пародийности. Закрадывается сомнение (не слишком безосновательное), что это такая постмодернистская шутка. С другой стороны, Садулаев весьма горяч в преподнесении нам историй про всех этих древних вождей и их потомков. И это однозначно идет книге на пользу.

Ее автор не раз проявлял свой редкий по нынешним временам литературно-общественный темперамент — то вступая в публичные пререкания с руководством Чечни (Садулаев наполовину чеченец), то пытаясь попасть в Госдуму от КПРФ и громко воюя с небезызвестным Милоновым, своим соперником. То заявляя о своем увлечении восточными философско-религиозными системами. А то и выпуская актуальную книжку «про протесты» — «Иван Ауслендер». Скажем так: литературным достоинствам

романов Садулаева его темперамент часто на пользу не шел. Автора заносило в публицистичность, в желание не говорить, но кричать, забыв о сюжетостроении и прочих правилах изящной словесности. Здесь тема, изначально совершенно неинтересная для массового читателя, разогревается автором до относительной «съедобности» для публики. Причем в финале все оказывается настолько непросто, что про этих самых готов можно вообще забыть, ибо, как намекают нам, они не более чем плод большого воображения. Но насколько мы можем верить таким намекам?

Поверх публицистического рассказа автором положено несколько вымышленных историй. Одна — из древней жизни, поход на Рим; другие — из жизни современной, где готы, так сказать, подмигивают из-за кулис. Например, на Донбассе якобы воюет (на стороне ВСУ) целый готский батальон... Любопытна полуавтобиографическая история про выборы в Питере, с элементами, если так можно выразиться, фантастики и конспирологии, из-за кулис которой, помимо вездесущих готов, маячит еще и Виктор Пелевин (следы которого видны и в других книгах Садулаева). Сдается мне, что если бы вместо готов были, например, снусмумрики, ничего бы это в структуре книги принципиально не поменяло. Постмодернистское упражнение было бы выполнено столь же успешно.

Приведу цитату из более удачной, на мой взгляд, публицистической части (точнее, слоя) «Готских писем»: «Изабелле Кастильской история готского племени пришла от конца к началу, закольцевалась, и змея съела свой собственный хвост. Знаешь, мой друг, сколько кораблей было в первой экспедиции Колумба? Три, конечно же. “Нинья”, “Пинта” и “Санта-Мария”. Если у кораблей есть души, то они могут реинкарнироваться, и тогда это те же самые три корабля, на которых в начале эпохи приплыли из Скандзы остроготы, визиготы и гепиды. Готы снова отправились в путь, в новую землю обетованную, в Индию. Так всё закончилось и больше никогда и нигде не повторится». То есть, и к открытиям Колумба готы причастны. «Может быть, автор все-таки шутит?» — вдруг в очередной раз пронзает читателя.

Если все же, подобно коллегам-критикам, рассуждать о жанре «Готских писем» (об этом говорят, кажется все; собственно,

о чем же еще?), то я бы предложил такой — роман-альманах. И про то, и про это, и в одном жанре, и в другом... А что автор один — так в конце «Писем» Садулаев вообще отказывается от своего авторства большей части книги. Но уж это, кажется, точно шутка.

ПОЛЕТ И ПРОЛЕТ

*Дмитрий Быков. Истребитель.
М., АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2021*

«Истребитель» — не слишком ладно скроенный, но крепко сшитый роман о мифологии 30-х. Здесь всего слишком много — и персонажей, и идей, и сюжетных линий, и слов (в них и автор, и его читатели иной раз просто захлебываются). Все это теснится, толкается, мешает друг другу. Автор то несется с места в карьер, то резко затормаживает на одном эпизоде и «облизывает» его со всех сторон, долго и нудно, а потом как будто забывает. То есть, с точки зрения романостроения, это, скорее, не полет, а пролет. Впрочем, ведь и другие прозаические книги Быкова недалеко ушли; вообще же «Истребитель» к этому жанру — «роман Быкова» — относится всецело. Есть у «романа Быкова» и свои поклонники, которые «Истребителя» точно прочтут, а будь этот текст написан кем-то иным, до финала не добрались бы. Скажу больше — во внутреннем быковском хит-параде «Истребитель», может быть, на верхних позициях. Тому есть причины.

Быков пишет свои вещи по методу подсечно-огневого земледелия. Облюбовывает себе точку социального, культурного или исторического пространства (а лучше, чтобы все сходилось в одной) и на ней располагается. Можно предположить, что такая внешняя подпитка ему, как автору, необходима. Когда он остается наедине сам с собой, получается совсем бледно и скучно (таким же сырьем в быковской эссеистике служит литература; большая часть его «занимательного литературоведения» именно что эссе с внешней подпоркой). Пока не соберет урожай, не использует до доньшка все ресурсы, с места не движется. Эпохи

тридцатых хватило на два романа — «Июнь» и рецензируемый. Сам автор заявляет, что к советской истории обращаться более не намерен. Видимо, плодородие почвы исчерпано, нужно двигаться дальше. Поэтому нелепо говорить, что Быков вдруг полюбил сталинскую эпоху: он не любит ее, он ей питается. Но! По «Истребителю» видно, что эпоха, ее мифы его и правда волнуют. Потому что роман вышел любопытным.

Среди героев книги летчики (особенно много), полярники, писатели, журналисты, ученые, есть даже маньяк (и очень непростой). Многие носят узнаваемые имена — Царев — это Сергей Королев, Канделаки — летчик Коккинаки, Боголюбов — композитор Никита Богословский, Петров — летчик Серов, а его жена, соответственно, актриса Валентина Серова и т. д. Много собирательных и просто вымышленных персонажей. Забавно вышло вот что: среди героев есть авиаконструктор Антонов, чей прототип — авиаконструктор Туполев. Почему выбрана фамилия создателя АНов, Бог весть; некоторых критиков это ввело в заблуждение — мол, у героя настоящая фамилия. Как бы не так. Оттого и действия никакого нет, что в «Истребителе», как в трамвай, набилась целая толпа; как будто листаешь телефонную книгу или самодельный мифологический словарь. Потому что эпоха 30-х осмысливается автором именно как миф, а все перечисленные — его герои разного уровня, живущие на «трамвайном Олимпе», кто выше, кто ниже. Журналист Бровман, скрепляющий собой новеллы, из которых, наскоро пригнанных друг к другу, книга и состоит, тоже имеет прототипа — журналиста Лазаря Бронтмана, его дневники есть в Сети, ими автор активно пользовался, где-то дословно, где-то переосмысляя (например, оттуда списана встреча с прокурором Вышинским). Дневники рекомендую, спасибо автору «Истребителя» за наводку.

А так-то, конечно, романист верен себе — куда ни кинь, видим сплошь репрессии и унижения, тотальное истребление тож; не страна, а жертвенный костер. Но этот костер горит достаточно ярко, чтобы достать и до стратосферы, и до Космоса, и до сегодняшнего дня, и еще чтобы обогреть автора и вдохнуть жизнь в его Голема. Именно чтобы оживить свое творение, обращение к эпохе 30-х автору и нужно. На мой вкус, самое ценное

в «Истребителе» — именно отблеск того легендарного пламени, которым автор иногда любит, натурально, против своей воли. Но потом спохватывается, и снова: террор, террор...

За годы своей крайне успешной литературной карьеры, автор добился автоматически годного — и не без изящества — слога. Вспомним еще один анекдот — мол, пошел писатель перекусить, глядь, страниц 10 текста готово. Вот например таких. «Маруся смешно стало: чего она, взрослая замужняя женщина, мать большой дочери, не видела в Парке культуры? Но не затем же она ехала с летчиком, чтобы съесть мороженое в кафе «Север». И не затем же приезжал летчик к ним на дачу, чтобы позвать ее в Зеленый театр. Что-то надо было придумать. Может, он мог бы свозить ее к себе на аэродром, покатать на самолете? Но, наверное, это был пока секретный самолет, и каждую новую знакомую не привезешь на нем кататься. И она поехала с ним на трамвае «Букашка» на другую сторону Садового кольца, и становилось все жарче, и Маруся вся вспотела, ужасно стыдясь этого. В Зеленом театре, открывшемся весной, был перерыв между представлениями, и они сели на дальнюю скамейку.

— Маруся, — сказал вдруг Потанин очень решительно, словно только тут, среди зелени, набрался сил для разговора. — Такое дело. Когда летаешь много, привыкаешь человека сразу видеть. Ну, как такая метка на нем. И он сам про себя знает. Когда Серегин разбился тогда на Байкале, я видел уже, что недолго. И сам он лететь не хотел, но стыдился. Что стариковские глупости и все это. Ну и вот, Маруся. Я про твоего мужа вижу, что недолго ему. Поэтому ты, Маруся, наверное, уходи жить ко мне». И примерно эдак весь роман.

По мне, и ругать, и хвалить тут особо нечего. Быков как Быков, книжка как книжка, может, пободрее некоторых его прочих; он подобного, дай ему Бог здоровья, еще штук 10 напишет. Мест, где ему расположиться, на воображаемой культурной карте много. Даже интересно, к какой ресурсной зоне подключится в следующий раз. Если и правда он в знак протеста будет писать теперь исключительно по-английски (напугал, называется), отечественная словесность не потеряет ровным счетом ничего — да и западная ни гроша не приобретет.